

В. ЧЕРНЫШЕВ

А. С. ПУШКИН И СЕРБСКИЕ И РУССКИЕ НАРОДНЫЕ ПЕСНИ

(I. Заметки об отрывках Пушкина со следами народных песен. — II. Отрывок Пушкина, содержащий перевод сербской песни. — III. Песни о „говорящем“ и „вещем“ коне)

I. В разное время автор настоящих заметок изучал казавшиеся похожими на народные песни три неизданных отрывка, которые сохранились в собрании автографов Пушкина, принадлежащих академику Л. Н. Майкову:

1. *Уродился я, бедный недоносок.*
2. *Друг сердечный мне намедни говорил.*
3. *Не видала ль, девица, коня моего?*

Эти исчерканные и незаконченные рукописные наброски изданы в „Полном собрании сочинений“ нашего поэта [т. II, 1931—1932, стр. 230 („Уродился“...), стр. 275 („Друг сердечный“...), стр. 274 („Не видала ль“...)].

Теперь я имею возможность сообщить о них несколько замечаний. О первых двух отрывках скажу очень кратко; на третьем остановлюсь подробно, потому что он связан с интересами Пушкина к сербской народной песенной поэзии.

Отрывок: „Уродился я, бедный недоносок“ представляет попытку Пушкина создать самостоятельное стихотворение на основе русской народной хороводной песни: „Недоноска меня матушка родила“. Несколько вариантов этой песни я укажу в собрании А. И. Соболевского (Великорусские народные песни, т. III. СПб., 1897, стр. 448—455, №№ 553—561).

Отрывок: „Друг сердечный мне намедни говорил“, насколько мне известно, не связан ни с одной народной песней. Это, очевидно, стихотворение, задуманное в духе псевдо-народного романа, но почему-то незаконченное.

II. Отрывок: „Не видала ль, девица, коня моего“, мы с полной уверенностью можем признать незаконченной попыткой перевода песни из одного сборника сербских народных песен Вука Степановича Караджича.

Пушкин оставил переводы из двух сборников Караджича: 1) „Мала простонародна славенско-сербска песнарица издана Вуком Стефановичем“. У Виена, 1814; 2) „Народне српске пјесме“. Књига прва. У Липици. 1824.

Вероятно, из первой книжки в „Песнях западных славян“ Пушкина дана пьеса „Соловей“ (в подлиннике: „Три највеће туге“), так как здесь есть опечатка, которая могла привести поэта к неверному чтению и переводу („Што ме ни е майка оженила рано“, стр. 49). Именно, здесь ни отделено от *је*; наш поэт соединил слова: *ме* и *ни* в одно целое: *мени* и понял их как русское *меня*. Таким образом, он придал тексту положительное значение вместо отрицательного: „меня мать *не* женила молодым“.

В тексте сборника 1824 г. напечатано правильно: „Што ме није мајка оженила рано“.

Только из первого сборника Пушкин мог взять текст не законченного им перевода, начинающегося стихом: „Что белеет на горе зеленой“ („Жалостна песня племените Асан-агинице“, стр. 113), потому что эту песню Караджич не включил в сборник 1824 г. (см. „Предговор“, стр. XV и XVI).¹

Только из сборника 1824 г. Пушкин мог взять песню: „Сестра и братья“ („Бог ником дужан не остаје“): ее нет в „Песнарице“! Экземпляр Пушкинской библиотеки сохранил закладку на стр. 308—309 этой книги, т. е. сборника 1824 г., где находится конец данной песни.²

Полагаю, что из сборника 1824 г. Пушкин начал переводить песню: „Коњ се срди на господара“ (стр. 107, № 163), и следы этой работы остались в неоконченном отрывке: „Не видала ль, девица, коня моего“. Этот отрывок еще раз указывает на внимание, которое оказал Пушкин сборникам сербских песен Караджича, а также и на большие трудности, которые наш поэт встречал при переводе песен этого сборника на русский язык.

Давно уже известно, что перевод песни „Соловей“, о котором мы говорили выше, в самом начале совершенно не соответствует оригиналу. В сербской песне молодец жалуется на то, что мать не женила его в молодости („Што ме није мајка оженила млада“). Естественно, что у него есть любимая девушка, но любовь ее оказывается непрочной („Моја драга на ме расрдила“), так как она не соединяется с надеждою на брак. Пушкин, поставив на своем переводе: „Рано молодца женила“, с трудом и с отступлением от обычных народных нравов, не допускающих любви женатого к девице, мог передать текст, говорящий о любимой девушке.³

Нечто подобное, но в еще более сильной степени, находим мы и в начале перевода песни: „Коњ се срди на господара“. Первые две строчки близки к подлиннику. Дальше начинается отступление, которое, по необходимому развитию мысли и повествования, все больше и больше отделяет набросок Пушкина от сербского источника. В конце, вместо естественного образа упрекающей девушки, является прогибающийся конь, которому остается договорить значительную часть этой небольшой прекрасной песни (четыре строки после переведенных семи). Конечно, Пушкин не мог не затрудниться окончанием такого перевода, в котором дальнейший рассказ должен представлять недовольство и упреки самого коня!

Все это довольно ясно из сопоставления прилагаемого чтения Пушкинского автографа, данного в изд. соч. Пушкина 1931 г., с предлагаемым нами текстом сербской песни по сборнику 1824 г., стр. 107, № 163:

Коњ се срди на господара

Ој девојко, душо моја!
Јеси л' вид'ла коња мога? —
Нит сам глала, ни видала;
Синоћ сам му звеку чула:

¹ Эта песня есть и у Мериме (La Guzla, стр. 251): прозаический перевод, весьма близкий к сербскому оригиналу. Этим переводом, вероятно, пользовался и Пушкин как справочным пособием для понимания сербского текста и для более верной его передачи.

² Б. Л. Модзалевский. Библиотека А. С. Пушкина. Библиографическое описание, стр. 261, № 1042. — Другая закладка на стр. 80—81, повидимому, отмечает песни, в которых молодцу дается совет жениться не на вдове, а на девице. Об этом есть и русские выразительные песни: Соболевский. Великорусские народные песни, т. III, №№ 205—212. — Может быть, Пушкин предполагал перевести какую-нибудь из данных пьес как песню „западных“ славян.

³ Русск. филол. вестн., т. 42, 1899, стр. 7 и сл.

Седлом бије о јаворје,
 А копитом о мраморје;
 Коњид ти се расрдио,
 Што ти љубиш две девојке:
 Аливеру и Тодору;
 Аливера сина роди,
 А Тодора сузе рони.

Ср. отрывок Пушкина (Полн. собр. соч., 1931—1932, т. II, стр. 274):

Не видала ль, девица,
 Коня моего?
 — Я видала, видала
 Коня твоего.
 — Куда, красна <?> девица,
 Мой конь пробежал?
 — Твой конь пробежал
 На Дунай реку —
 [Бежал твой конь,
 Тебя проклинал].⁴

Вероятность сербского источника для данного отрывка увеличивается еще и тем, что он необъясним из русских песенных материалов. Подходящих русских песен с конем, убежавшим от господина вследствие недовольства его любовными похождениями, нет. Русская песня, наоборот, удостоверяет преданность коня хозяину. Напомним (хотя и в несходном положении) хорошо известную картину умирающего в степи раненого воина и стоящего около него коня, который говорит ему:

„Ты вставай, вставай, добрый молодец!
 Ты садись на меня, на добра коня;
 Я свезу тебя к отцу, к матери,
 К молодой жене, к малым детушкам!“⁵

Итак, подражания какой-нибудь русской песни в отрывке Пушкина не может быть. Запись существующей русской песни здесь немислима по характеру письма, отражающего сложный авторский труд.

III. С точки зрения фольклора интересно, что внимание Пушкина здесь привлек сюжет с „говорящим“ конем. Правда, что в сербской песне о коне, который сердится на своего господина, прямой речи коня мы не имеем. За коня говорит девица, которая истолковывает его гневные движения как недовольство тем, что его господин ухаживает за двумя девицами и одну из них делает несчастной. В сербском оригинале народной песни текст получает, таким образом, превосходную литературную и совершенно естественную обработку. Однако в восприятии Пушкина конь представлялся говорящим. Во всяком случае, он хотел показать его таким в своем переводе, где сказано: „(конь) тебя проклинал“.

Не знаю, насколько „говорящий“ конь распространен в мелких эпических сербских песнях, не героических, безличных, но в героическом

⁴ Фотографический снимок с автографа Пушкина, который мы имеем, подтверждает правильность этого чтения. Издатели здесь расставили знаки препинания, которые в тексте находятся только после сл. *Куда* (запятая) и после сл. *реку* (тире). Недописанные слова они напечатали полностью, кроме слова *крас*, при котором поставили в особых скобках знак вопроса (?). Зачеркнутый конец: две последние строки печатного текста дали в прямых скобках, хотя в оригинале вторая строка повторяется, так что всего зачеркнуто три строки, а не две. Не указано также, что в зачеркнутом конце начат четвертый стих, в котором написано одно только слово *Не*. Очевидно, Пушкин намеревался окончить свой перевод еще несколькими стихами.

Интересно, что в начале перевода в третьей строчке было написано: *Наднях* (неразборчиво) *я видала*. Потом первое слово было зачеркнуто и в конце строки приписано: *видала* (неразборчиво). Это зачеркнутое *наднях*, вероятно, соответствовало сербскому *синоћ*.

⁵ Песня: „Уж как пал туман на сине мсре“ (Соболевский, ук. соч., т. I, № 38⁷; варианты № 381 — № 409; с более активной ролью коня №№ 399—400, 403—404).

сербском эпосе (по собранию Караджича) мы знаем крылатого „говорящего“ коня у воеводы Момчила.⁶ Человеческим голосом говорит и конь Марка Кралевича.⁷

„Говорящий“ конь в сербских и русских песнях является архаичным пережитком, удостоверяющим давнее родство тех и других. В связи с настоящей заметкой о переводе Пушкиным сербской песни обращаем внимание на два русских песенных сюжета с „говорящим“ конем: 1) конь жалуется, что молодец пьет и обижает его; 2) конь предсказывает всаднику-воину несчастье или смерть в бою.

Подобные песни давно исчезли из ходячего русского песенного оборота; например, их нет в новейших печатных песенниках; но в старшем слое русского эпоса (в сказках, былинах и некоторых песнях узкого обращения) „говорящий“ конь — персонаж хорошо известный. В былинах, между прочим, конь просит Святогора не жать его шпорами, не хлестать плетью, не натягивать поводов.⁸ То же самое находим в былинах о Добрыне, о Дюке.⁹ У донских казаков известна песня с разговором молодца и коня, где последний произносит такие жалобы:

„А тяжел-то мне твой царев кабак!
Как часто ты в кабак заезжаешь,
Меня к дубову столбу привязываешь,
Сам зелена вина напиваешься;
На меня-то, доброго коня, сядишься,
На обои боки ты выхляешься,
Мною, добрым конем, выхваляешься“.¹⁰

В другой песне к жалобам коня присоединяется и следующий упрек:

„Мне не страшны, мой хозяин, твои походы дальние,
Только страшны, мой хозяин, корчемочки частые.
Еще страшнее, мой хозяин, девчоночки молодые!“¹¹

Песню с жалобой коня на пьяного молодца мы знаем еще в двух вариантах в сборнике А. А. Догадина (Былины и песни астраханских казаков, вып. II, стр. 42—44, №№ 37—38; без обозначения года и места печати, собранные и обработанные для издания в первом десятилетии XX в.).

В севернорусском варианте из б. Вятской губ. (Васнецов. Песни северо-восточной России. М., 1894, стр. 42, № 54) мотив жалоб коня отходит от личной жизни молодца и ограничивается указанием на тяжесть военной службы.

Мотивы жалобы коня довольно хорошо сохранились в белорусских песнях (П. В. Шейн. Белорусские народные песни. СПб., 1874, стр. 250—251, №№ 437, 438). В первой, где конь уже не военный, а домашнее упряжное животное, он говорит:

„Ни цяжка мне упряжка,
Шибка поездўшка (2).
Дзевушник пасѳдишь,
Шибка паганяишь (2),
В частые карчѳмки
Вѳ все заезжаишь (2).
Як табе, парнишке,
Мед, вино ня пѳцца (2),
А также мне, косе,

⁶ Српске народne pjesme, кн. 2. У Бечу, 1875, стр. 111: „Женидба краља Вукашина“.

⁷ Там же, II, стр. 353. — М. Халанский. Юго-славянские сказания о Кралевиче Марке. Варшава, 1893, ч. I, стр. 79.

⁸ Гильфердинг. Онежские былины, II, 1894, 299.

⁹ Там же, II, 329, 355.

¹⁰ Соболевский, ук. соч., т. VI, № 251.

¹¹ Там же, № 253.

Сена не кладецца (2).
 Маи капыто́чки
 Ко льду примираюць (2),
 Кляновы вазочик
 Мяцель заметаць (2)*.

Также выразительны в отношении жалобы коня и украинские варианты:

„Ні ти ми докучив, козак молоденький,
 Но ми докучила тота корчма твоя;
 Того ж я сумненийкий, що ти, молоденький,
 Кудя ино їдешь, корчмы не минаєшь,
 Кудя ино ходишь, їж п'єшь и гуляєшь,
 А о мене, ворон коня твого, та й не дбаєшь;
 А до горы їдешь, мене підтинаєшь,
 А як з горы їдешь, то и не стримаєшь,
 Через луги їдешь, то й не попасаєшь,
 Через дунай їдешь, то й не наповачиєшь“.¹²

Указанные варианты песни „жалоба коня“, сохранившиеся в трех восточнославянских языках, несомненно сходны с той сербской песней из собрания Караджича, которую пытался переводить А. С. Пушкин. Правда, что любовный мотив в русских песнях или совершенно отсутствует, или сохранил очень слабые следы. Такие следы из указанных выше песен имеет одна русская и одна белорусская песня.

Но эпическая народная песня — не ритуальное произведение. На долгом протяжении своего бытования она, хотя и закреплена ритмом, все же несколько изменяется в содержании, плане, художественных образах в зависимости от среды, в которой обращается данный песенный текст, и от талантов исполнителей, которые его передают. Это относится и к русским песням данного вида и еще более к сербской, в которой за архаичного коня говорит посторонняя девица. Но от кого же, как не от „говорящего“ коня, она могла узнать похождения его господина?

Наконец, „говорящего“ коня, предсказателя печальной участи или смерти молодца-воина, мы знаем в песне из сборника Кирши Данилова: „Как далече-далече во чистом поле“ (стр. 160, изд. 1901 г.). Здесь на вопрос молодца коню: „Зачем, конь, травы зеленяны не ешь, — воды не пьеш ключевыя?“, — конь отвечает, что ведает невзгоду великую: „Мне, коню, быть подстрелену; быть тебе, молодцу, в пойманье“.

Из публикаций недавнего времени мы можем указать редкую русскую песню, несомненно старую, известную нам в одном источнике, достаточно близкую к песне, переведенной Пушкиным из сборника Мериме „La Guzla...“ („Гусли“...) под заглавием „Конь“ („Что ты ржешь, мой конь ретивый?“).

Эй, было как у ключика,
 Эй, как у ключика было у текучива,
 Эй, было у текучива,
 Эй, у колодеца было у глубоковыа,
 Эй, было у глубоковыа,
 Эй, молодой-то казак душечка спочив имел,
 Эй, душечка спочив имел;
 Эй, он спочив-то имел, душечка, коня кормил,
 Эй, душечка, он коня кормил;
 Эй, он выглаживал конечка, выспрашивал,
 Эй, он коня выспрашивал:
 „Эй, уж ты что же, конь, конечек, травы не ешь?
 Уж ты что же конь, конечек, воды не пьешь?
 Уж ты что же, конь, конечек, призадумался,

* Я. Ф. Головацкий. Народные песни Галицкой и Угорской Руси, ч. 1. М., 1878, стр. 110; дана ссылка на варианты Вацлава, Максимовича, Пауля и Головацкого.

Уж ты что же, конь, конечек, припечалился?
 — Уж и как-то мне, коню, быть веселому?
 Уж как завтрашний день, коню быть убитому,
 Как тебе, молодцу, — тебе быть застрелену“.¹³

В русском песенном репертуаре „вещий“ конь нам известен еще в собрании Соболевского (т. VI, № 250, где „невеселый“ конь предсказывает, что он будет убит, а его всадник тяжело ранен), а также в „Песнях, собранных П. В. Киреевским“ (Новая серия, вып. 2, ч. 2, № 2455, где конь говорит, что его хозяина убьют, и над ним будут петь попы и дьяки, а его, коня, застрелят, и над ним вскричат черны вороны).

Эти русские варианты песни о „вещем“ коне, а так же указания на „говорящего“ коня в сербском эпосе, позволяют нам предполагать, что стихотворение Мериме: „La cheval Thomas II“, переведенное Пушкиным под обобщенным заглавием „Конь“ („Что ты ржешь, мой конь ретивый?“), не является простым плодом художественного вымысла (как это принято думать), но основано на данных какой-то сербской или вообще славянской народной песни, в которой имеется „вещий“ конь, предсказывающий смерть своему хозяину-воину.¹⁴

С другой стороны, отступления перевода Пушкина от текста Мериме объясняются не только художественным вкусом и тактом нашего поэта, но и знанием прямых источников русской народной поэзии, подобных тем песням о „печальном“ и „вещем“ коне, которые мы приводили и указывали выше.

¹³ Ф. Н. Баранов. „Песни оренбургских казаков с напевами, вып. 2. Оренбург. 1913, стр. 83, № 65.

¹⁴ Ср. статью А. И. Яцимирского „Песня западных славян (в кн.: Пушкин [Сочинения], под ред. С. А. Венгерова, т. III, СПб. 1909, стр. 375—402, о „Коне“ стр. 399—400).